

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ/THEORY OF LITERATURE

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.66.2>ПОЛИФОНΙΑ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА В РОМАНЕ
ЗАМЯТИНА «МЫ»

Научная статья

Коршунова М.Л.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0009-1228-6310;¹ Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (maryanak[at]mail.ru)

Аннотация

Статья посвящена анализу романа Е. Замятина «Мы» как полифонически организованного текста. Исследуется, как автор использует многоголосие и смену повествовательных перспектив для создания идеологического конфликта между идеями коллективизма и индивидуализма. Особое внимание уделяется способам выражения различных идеологических позиций через «голоса» персонажей и повествовательных инстанций. Цель исследования — выявить и проанализировать полифоническую структуру романа Евгения Замятина «Мы» через исследование идеологического конфликта между тоталитарной идеологией Единого Государства и идеологией свободы, проявляющегося в столкновении различных голосов и перспектив, с акцентом на трансформацию идеологической позиции главного героя, Д-503, и её отражение в нарративной структуре произведения. Объект исследования — полифоническая структура романа Евгения Замятина «Мы». Предмет исследования — способы выражения идеологического конфликта между Единым Государством и индивидуальной свободой в романе «Мы» через полифонические приемы. Результаты исследования: полифоническая структура романа выражается в столкновении голосов, представляющих различные идеологические позиции. Голос Единого Государства, авторитарный и монолитный, стремится к подавлению индивидуальности и навязыванию единообразия, в то время как голос свободы, более фрагментарный и разрозненный, выражается в стремлении к индивидуальному самовыражению и эмоциональности. Выводы исследования подчеркивают значимость полифонического подхода при создании в романе Е. Замятина неразрешимости идеологического конфликта в рамках тоталитарной модели, делая его вечным и актуальным.

Ключевые слова: полифонический анализ, структура текста, многоголосный роман, точка зрения.

POLYPHONY AS A WAY OF CONSTRUCTING IDEOLOGICAL CONFLICT IN ZAMYATIN'S NOVEL 'WE'

Research article

Korshunova M.L.^{1,*}¹ ORCID : 0009-0009-1228-6310;¹ Tver State University, Tver, Russian Federation

* Corresponding author (maryanak[at]mail.ru)

Abstract

The article is devoted to the analysis of E. Zamyatin's novel 'We' as a polyphonically organised text. The way the author uses polyphony and change of narrative perspectives to create an ideological conflict between the ideas of collectivism and individualism is studied. Particular attention is paid to the ways in which different ideological positions are expressed through the 'voices' of characters and narrative perspectives. The aim of the research is to identify and analyse the polyphonic structure of Yevgeny Zamyatin's novel 'We' through the study of the ideological conflict between the totalitarian ideology of the Unified State and the ideology of freedom, manifested in the clash of different voices and perspectives, with a focus on the transformation of the ideological position of the protagonist, D-503, and its reflection in the narrative structure of the work. The object of the study is the polyphonic structure of Yevgeny Zamyatin's novel 'We'. The subject of the study — ways of expressing the ideological conflict between the United State and individual freedom in the novel 'We' through polyphonic techniques. The results of the research: the polyphonic structure of the novel is expressed in the clash of voices representing different ideological positions. The voice of the Unified State, authoritarian and monolithic, seeks to suppress individuality and impose uniformity, while the voice of freedom, more fragmented and disparate, is expressed in the desire for individual self-expression and emotionality. The findings of the study emphasise the significance of the polyphonic approach in creating the unsolvability of the ideological conflict within the totalitarian model, making it eternal and relevant.

Keywords: polyphonic analysis, text structure, polyphonic novel, point of view.

Введение

Изначально понятие полифонии сформировалось в музыковедческом дискурсе, где оно обозначает организацию гармоничного сосуществования нескольких самостоятельных мелодических линий [4, С. 11], [8], [9, С. 7], [10, С. 3]. В литературоведении концепция полифонии была впервые разработана М.М. Бахтиным, утверждавшим, что художественный текст, в частности роман, представляет собой сложно структурированное социальное разноречие. Бахтин определил художественный текст, особенно роман, как поле диалогического взаимодействия различных «голосов», понимая под ними не только речевые партии персонажей, но и авторскую речь, повествовательные инстанции, вставные жанры и пространственно-временные параметры. Он рассматривал эти композиционные

элементы как носителей разнообразных социальных дискурсов, связанных между собой диалогическими отношениями [1, С. 76].

Согласно А.А. Козакову [7, С. 105], вводя понятие «полифония», Бахтин признает, что в нем есть существенный метафорический компонент: «Образ полифонии и контрапункта указывает лишь на те новые проблемы, которые встают, когда построение романа выходит за пределы обычного монологического единства, подобно тому, как в музыке новые проблемы встали при выходе за пределы одного голоса. Но материалы музыки и романа слишком различны, чтобы могла быть речь о чем-то большем, чем образная аналогия, чем просто метафора. Но эту метафору мы превращаем в термин «полифонический роман», так как не находим более подходящего обозначения» [2, С. 67].

Б.А. Успенский, развивая теорию Бахтина, предложил более конкретизированное понимание полифонии как равноправия и несводимости различных точек зрения в тексте: «Если различные точки зрения при этом не подчинены, но даются как в принципе равноправные, то перед нами произведение полифоническое» [11, С. 26]. В отличие от концепции «смены голосов» у Бахтина, Успенский акцентирует внимание на смене повествовательных перспектив, предлагая анализировать текст через вычленение и исследование отношений между различными авторскими позициями, их совместимостью и возможностями перехода от одной к другой: «Предполагается, что структуру художественного текста можно описать, если вычленим различные точки зрения, то есть, авторские позиции, с которых ведется повествование (описание), и исследовать отношение между ними (определить их совместимость или несовместимость, возможные переходы от одной точки зрения к другой, что, в свою очередь, связано с рассмотрением функций использования той или иной точки зрения в тексте)» [11, С. 16].

Проблематика точки зрения в художественной литературе, как основополагающий элемент полифонического анализа, разрабатывалась также в трудах В.В. Виноградова [3] и Г.А. Гуковского [5], которые, хотя и обосновали важность данной проблемы и наметили пути ее изучения, чаще всего рассматривали ее как вспомогательный инструмент в анализе творчества конкретных писателей, а не как самостоятельный предмет исследования. В связи с этим, понятие «точка зрения» в их работах нередко приобретает описательный, а не аналитически-объяснительный характер.

Обратимся к анализу критериев, позволяющих идентифицировать точки зрения в художественном произведении. Согласно Б.А. Успенскому [11], различия точек зрения могут быть эксплицированы через вариативность языковых средств, используемых автором при описании различных персонажей. Это может проявляться в применении разных стилистических регистров, использовании элементов чужой или замещенной речи, а также в моделировании ситуаций, где описание одного персонажа осуществляется через призму восприятия другого. Помимо этого, автор может представлять собственную точку зрения или прибегать к позиции стороннего наблюдателя, не являющегося участником действия.

Важно подчеркнуть, что именно анализ текста служит основным методом для фиксации смены авторской позиции, что особенно значимо в лингвистическом исследовании. Таким образом, изменение текстовых параметров является ключевым критерием для определения смены голосов и точек зрения, что подтверждается герменевтическим анализом текста.

В данной статье мы рассматриваем точку зрения как одну из разновидностей «голоса» в тексте. Б.А. Успенский, вводя критерии вычленения точек зрения, указывает на следующие признаки: во-первых, наличие нескольких независимых точек зрения в произведении; во-вторых, принадлежность этих точек зрения непосредственно участникам повествуемых событий, исключая абстрактные позиции вне контекста конкретных персонажей; и, в-третьих, проявление различий точек зрения в оценке окружающей действительности, производимой различными персонажами [11, С. 25]. Однако данная классификация представляется неполной, так как не учитывает всего многообразия «голосов» в тексте. Следовательно, она требует дополнения и уточнения, особенно в свете концепции Бахтина, где «точка зрения» рассматривается как одна из разновидностей «голоса».

Методы исследования включают текстуальный анализ, направленный на детальное изучение текста романа Е. Замятина «Мы» с целью выявления и интерпретации идеологических позиций, выраженных через различные голоса и перспективы. Включает в себя анализ цитат, стилистических особенностей речи персонажей и структуры повествования. Интерпретативный анализ направлен на понимание смысловых значений и контекста, в котором функционируют идеологические концепции, представленные в романе. Сравнительный анализ применяется для сопоставления двух антагонистических идеологических позиций (идеологии Единого Государства и идеологии свободы) с целью выявления их ключевых характеристик и противоречий.

Обсуждение

Для иллюстрации данного положения и дальнейшего исследования проблемы, мы обратимся к анализу романа Евгения Замятина «Мы» [6], который представляет собой не только значимую антиутопию, оказавшую влияние на развитие жанра, но и показательный пример полифонического текста, где идеологический конфликт выступает в качестве основного структурообразующего элемента. Замятин, посредством столкновения разнонаправленных «голосов» и перспектив, конструирует сложное изображение тоталитарного общества, формируя у читателя неоднозначное восприятие представленных идеологических систем:

Я — только часть, я — только атом, а это — мы, вы, человечество (Д-503, выражающий идеологию Единого Государства).

Но если все — атомы, то кому же будет плохо, когда я, атом, пожелаю чего-то для себя? И почему эта, я повторяю, эта «польза всех» считается за самую высшую, когда она — для всех, как для каждого в отдельности? Почему «польза всех» должна перечеркнуть меня? (I-330, выражающая идеологию индивидуальной свободы).

Рассмотренный пример иллюстрирует противостояние двух полярных идеологических «голосов». «Голос» Д-503, сформированный тоталитарной системой, транслирует идею коллективной пользы и подчинения индивида, отрицая его уникальность. «Голос» I-330, напротив, отстаивает ценность индивидуального, критикуя приоритет коллективного

над личным. Полифония в романе конституируется путем столкновения и диалогического взаимодействия различных идеологических позиций.

В основе полифонической структуры романа лежит конфронтация двух антагонистических идеологических позиций: идеологии Единого Государства и идеологии свободы, ей противостоящей. Идеология Единого Государства, характеризующаяся авторитарностью и монолитностью, транслируется через различные каналы, такие как высказывания Благотетеля, пропагандистские материалы, официальная документация и массовые ритуалы:

Потому что линия Единого Государства — это прямая. Великая, божественная, точная, мудрая прямая — мудрейшая из линий...

Данная идеология нацелена на подавление индивидуальности, навязывание единомыслия и эмоциональной унификации, провозглашая математическую точность и рационализм в качестве высших ценностей. Рациональность и порядок выступают как инструменты социального контроля, обеспечивая подчинение личности коллективным интересам.

Язык этого идеологического «голоса» характеризуется холодом, безэмоциональностью, отсутствием индивидуальных черт и использованием повторяющихся клише.

Противоположный «голос» свободы, отличающийся фрагментарностью и неоднородностью, выражается в стремлении к индивидуальному самоопределению. Главный герой, Д-503, изначально являющийся частью системы, постепенно воспринимает «голос» I-330, открыто выступающей против Единого Государства:

Быстро уничтожить немногих — разумней, чем дать возможность многим губить себя — и вырождение — и так далее. Это — до непристойности верно.

Этот «голос» олицетворяет стремление к непредсказуемости, эмоциональности, индивидуальной свободе и самовыражению. I-330, в свою очередь, становится символическим воплощением идеологии свободы, основанной на ценности индивидуального опыта, хаоса и эмоциональной экспрессии, которые рассматриваются тоталитарной системой как деструктивные и опасные факторы:

Мне пришла идея: ведь человек устроен так же дико, как эти вот нелепые «квартиры», — человеческие головы непрозрачны, и только крошечные окна внутри: глаза.

Замятин умело использует приём «ненадежного рассказчика» для усиления полифонической структуры повествования. Читатель видит мир не только глазами Д-503, но и сквозь призму его внутренних противоречий и меняющихся взглядов:

Истинное счастье невозможно без свободы. Но разве свобода не есть само порабощение, ибо порабощение есть высшая форма проявления любви к себе и к обществу? (внутренний спор Д-503, зарождение сомнения в существующей системе).

Записи в дневнике Д-503, которые являются основным источником нарративной информации, демонстрируют историю его постепенного идеологического разочарования. Его письма отражают эволюцию его взглядов: от безусловной лояльности к системе до проявления сомнений и, в конечном итоге, симпатии к мятежу. Это демонстрирует динамику идеологического конфликта, протекающего внутри сознания индивида, что выявляет стремление власти контролировать не только действия, но и мыследеятельность подданных:

Я не понимаю... Мне очень жаль, но я не понимаю... Это как сон, как нелепость, как будто я вижу себя самого в зеркало, которое искажает и кривляется. Это очень страшно. (Д-503 о своем восприятии «дикого» мира за Зеленой Стеной, сначала в недоумении, затем в понимании).

Начальные записи Д-503 выражают абсолютную лояльность системе, но постепенно в его дневнике появляются сомнения и внутренние конфликты, что делает его «голос» ненадежным. Это показывает, что восприятие действительности может меняться и что автор представляет различные точки зрения на мир, в том числе противоречивые и эволюционирующие. Полифония здесь достигается через развитие точки зрения рассказчика.

Полифонизм романа также находит свое выражение в использовании символических образов. Например, Стена не является исключительно физической границей, но выступает как символ разграничения между тоталитарным режимом и сферой свободы. Зеленый цвет, как символ жизненных сил и свободы, противопоставляется серым и холодным оттенкам, доминирующим в стилистике государственного пространства:

Неужели это возможно?! Мне казалось, что там должна быть мертвая пустыня, а тут... какое многообразие! Какие яркие краски, какие странные формы, и так много звуков — словно целый оркестр! (Д-503, описывает мир за Стеной, сначала воспринимая его как хаос, а затем как проявление свободы):

Здесь нет ничего правильного, ничего логичного, но тут так много жизни. Неужели в нашем Едином Государстве мы никогда не жили? (Д-503 начинает понимать ценность хаоса и индивидуальности).

Различие в восприятии мира за Зеленой Стеной показывает множественность перспектив. Мир, который Единое Государство представляло как хаос, Д-503 сначала видит именно так, но затем начинает воспринимать как символ свободы и жизни. Это показывает, что истина не едина и зависит от точки зрения.

Заключение

В результате анализа романа Евгения Замятина «Мы» становится очевидно, что полифоническая структура текста является не просто стилистическим приемом, а фундаментальным способом смыслообразования. Столкновение и взаимодействие различных «голосов», представляющих противостоящие идеологии, создает многомерное пространство, в котором ни одна из позиций не претендует на абсолютную истину. Именно через диалог и конфликт этих голосов, через их взаимоотражение и взаимное отрицание, формируется сложное и неоднозначное понимание тоталитарного общества и его влияния на человеческую личность. Полифония позволяет автору избежать навязывания определенной точки зрения и предоставить читателю возможность самостоятельно формировать собственное отношение к представленным идеологиям.

Более того, полифоническая организация текста в романе «Мы» способствует не только раскрытию идеологического конфликта, но и углубленному исследованию природы человеческого сознания и механизмов его формирования под воздействием социальных и политических факторов. Эволюция взглядов главного героя, Д-503, от безусловной веры в идеалы Единого Государства до осознания ценности индивидуальной свободы, становится возможной именно благодаря взаимодействию с другими «голосами», прежде всего с «голосом» I-330. Таким образом, полифония в романе «Мы» выступает не только как способ изображения мира, но и как инструмент познания, позволяющий читателю глубже проникнуть в суть исследуемых проблем и задуматься о вечных вопросах свободы, индивидуальности и смысла жизни.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Курбонова С.З., Худжандский государственный университет имени академика Бободжана Гафурова, Худжанд Таджикистан
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.66.2.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Kurbonova S.Z., Khujand State University, Khujand Tajikistan
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.66.2.1>

Список литературы / References

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 502 с.
2. Бахтин М.М. Проблема поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. — Москва : Советская Россия, 1979. — 318 с.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. — Москва : Изд-во АН СССР, 1963. — 256 с.
4. Григорьев С.Л. Учебник полифонии / С.Л. Григорьев, Т.Ф. Мюллер. — Москва : Музыка, 1985. — 304 с.
5. Гуковский Г.А. Пушкин и русские романтики / Г.А. Гуковский. — Москва : Инрада, 1995. — 319 с.
6. Замятин Е.И. Мы : роман / Е.И. Замятин // Библиотека Алексея Комарова. — URL: <https://ilibrary.ru/text/1494/p.40/index.html> (дата обращения: 20.01.2025).
7. Козаков А.А. Полифония как живое понятие / А.А. Козаков // Бахтинские чтения III. — Витебск : Высшая школа, 1998. — С. 103–115.
8. Мясковский Н.Я. Claude Debussy, Printemps / Н.Я. Мясковский. — Москва : Музыка, 1914. — 195 с.
9. Серов А.Н. Музыка, музыкальная наука, музыкальная педагогика / А.Н. Серов. — Москва : Эпоха, 1964. — 305 с.
10. Скребков С.С. Учебник полифонии / С.С. Скребков. — Москва : Музыка, 1982. — 268 с.
11. Успенский Б.А. Принципы структурной типологии / Б.А. Успенский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1962. — 64 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Artistic literature, 1975. — 502 p. [in Russian]
2. Bakhtin M.M. Problema poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics] / M.M. Bakhtin. — Moscow : Soviet Russia, 1979. — 318 p. [in Russian]
3. Vinogradov V.V. Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika [Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics] / V.V. Vinogradov. — Moscow : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. — 256 p. [in Russian]
4. Grigoriev S.L. Uchebnik polifonii [Textbook of Polyphony] / S.L. Grigoriev, T.F. Myuller. — Moscow : Music, 1985. — 304 p. [in Russian]
5. Gukovsky G.A. Pushkin i russkie romantiki [Pushkin and the Russian Romantics] / G.A. Gukovsky. — Moscow : Inrada, 1995. — 319 p. [in Russian]
6. Zamyatin E.I. My [We] : A Novel / E.I. Zamyatin // Biblioteka Alekseja Komarova [Alexey Komarov Library]. — URL: <https://ilibrary.ru/text/1494/p.40/index.html> (accessed: 20.01.2025). [in Russian]
7. Kozakov A.A. Polifoniya kak zhivoe ponyatie [Polyphony as a Living Concept] / A.A. Kozakov // Bakhtinskie chteniya III [Bakhtin Readings III]. — Vitebsk : Higher school, 1998. — P. 103–115. [in Russian]
8. Myaskovsky N.Ya. Claude Debussy, Printemps / N.Ya. Myaskovsky. — Moscow : Music, 1914. — 195 p. [in Russian]
9. Serov A.N. Muzyka, muzykal'naya nauka, muzykal'naya pedagogika [Music, Musicology, Music Pedagogy] / A.N. Serov. — Moscow : Era, 1964. — 305 p. [in Russian]
10. Skrebkov S.S. Uchebnik polifonii [Textbook of Polyphony] / S.S. Skrebkov. — Moscow : Music, 1982. — 268 p. [in Russian]
11. Uspensky B.A. Printsipy strukturnoy tipologii [Principles of Structural Typology] / B.A. Uspensky. — Moscow : Publishing house of Moscow University, 1962. — 64 p. [in Russian]